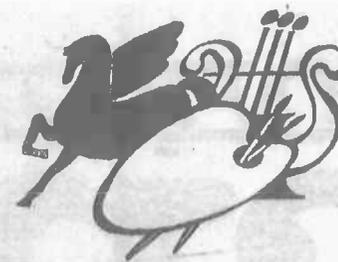

СОВВВВВВВВВВВ

МДВ

ТЕАТР УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ

лечения. Не приносит желаемого результата и обратная операция — с открытой площадки под крышу. Теряется естественная среда, окружающая спектакль, среда, в которой он существует, среда, настраивающая зрителя на особое восприятие. Молодежный театр два раза переносил «летние» спектакли под крышу. «Декамерон» Воккаччо на обычной сцене лишился очень важного элемента, создающего настроение спектакля — руин Пиритаского монас-

тыря, которые составляли контраст вполне светскому и местами фривольному содержанию «Декамерона», — точно продуманный создателями постановки контраст тянущейся к небу величественной (но уже разрушенной) готики с земными страстями героев.

Постановке М. Карусоо «Мне 13 лет» на обычной сцене не доставало воздуха, что ли, — казалось, что спектаклю здесь душно, пропадает естественная среда обитания «надцатилетних»

летом — пляж. И этот факт, подобно доказательству от противного, удостоверил родство вполне современного театрального текста с ренессансными спектаклями на площадях и рынках. Именно внутренняя близость спектакля для юных — юности театрального искусства объясняла успех постановки, а не социологичность ее (социологичность — то осталась и при переносе, а вот дух спектакля куда-то исчез).

«Декамерон» оказался са-

мой долговечной из постановок под открытым небом. А в этом году у него оказался «партнер» по сценической площадке в руинах Пиритаского монастыря — поставленная режиссером Театра им. В. Кингисеппа Эвальдом Хермакюла с артистами Молодежного театра комедия Шекспира «Виндзорские насмешницы».

Оформление художника Лийны Пихлак подчеркивает родство этих двух постановок. На сцене — корзины с дичью, рыбой, фруктами, бочки вина, кубки — и все это на фоне аскетически серых руин выглядит особенно красочным, сочным. Человеческая плоть справляет пир на развалинах Средневековья.

Эта жизнерадостность становится основным мотивом спектакля. Играется не столько сюжет, сколько мироощущение современников Шекспира. И, конечно, центр спектакля — это сэр Джон Фальстаф в исполнении Ильмара Таммура.

Монументальная фигура Фальстафа, проходящая через две части шекспировской хроники «Генрих IV» и комедию «Виндзорские насмешницы», фигура этого гуляки, чревоугодника и распутника — и вместе с тем почему-то неуловимо симпатичного человека (очевидно, симпатичного своей жизнерадостностью и простодушием, непостижимым образом уживающимся с природной склонностью к плутовству) — эта фигура воплощена актером с покоряющей убедительностью.

Его Фальстаф воистину монументален — кажется, когда он ходит, земля прогиба-

ется под его тяжестью. Но это — лишь физическая, видимая тяжесть. Характер Фальстафа, сыгранного Таммуром, легкий характер.

Кажется, что этот Фальстаф затевает свои интриги с двумя аппетитными виндзорскими мещаночками — миссис Форд и миссис Пейдж — не только ради поживы, но и из природной жизнерадостности. Даже скорее всего, из-за жизнерадостности. Сама ситуация забавляет его, волнует его кровь. Не унывал даже тогда, когда «насмешницы» лаяно его дурчат, Фальстаф в любом положении сохраняет свой неиссякаемый оптимизм.

«Виндзорские насмешницы», конечно же, комедия положений, и в ней нечего искать точных психологических мотивировок каждого поступка действующих лиц, но все же один вопрос требует ответа. Отчего Фальстаф постоянно попадает на удочку? Ведь не бог весть как хитроумно водят его за нос миссис Форд и миссис Пейдж! (Кстати, исполняющие эти роли актрисы Лууле Комиссаров и Хелене Ваннари вовсе не преувеличивают тонкость игры своих героинь; эти две дамы, скорее, просто провинциальные «бабы с перчиком», чем мастерицы плетения интриг).

Таммур дает ответ на этот вопрос. Его Фальстаф самозабвенно погружен в стихию игры. Он позволяет обманывать себя оттого, что такова уж эта игра — кто-то в ней должен быть обманут. Во все безобидные проделки «насмешниц» входят в условия игры, а этого Фальстафа хлебом не корми, то-

лько позволь ему принять участие в какой-нибудь забаве!

И спектакль логично развивается, как игра с заранее оговоренными для каждого ее участника рискованными положениями, до тех пор, пока насмешки над Фальстафом не заходят слишком далеко. Когда все прочие персонажи привязывают сэра Джона к дубу и награждают его увесистыми (заслуженными ли?) пинками, нам уже не до смеха.

Внутри вроде бы открыто развлекательного и не претендующего на серьезные обобщения спектакля возникает некая зона активизации зрительской мысли. Эта зона неширока, так как спектакль уже торопится к благополучному финалу, но все же зритель успевает задуматься: откуда такая злоба? Чем Фальстаф навлек на себя столь бурный гнев? Ведь он-то никому не успел нанести ущерба — это ему скорее, нанесли ущерб.

Дело все в том же. В противостоянии руин и фламандского натюрморта, аскетизма и раскованности, ханжества и открытости. Бесхитрость Фальстафа бесит его противников. Они бы охотно согрелили, но что скажут люди? Фальстафу же эта боязнь «общественного мнения» не свойственна. И «общество» мстит «отщепенцу».

Пришедший повеселиться зритель уносит со спектакля не только память о комических приключениях незадачливого сэра Джона, но и вполне серьезные размышления театра.

Борис ТУХ.

Фото Мати ХИЙСА.

С тех пор, как Молодежный театр показал во внутреннем дворе Доминиканского монастыря «Смешных жеманниц» Мольера, прошло семь лет. Театр под открытым небом прочно утвердился в Таллине, уголки Старого города, развалины монастыря в Пирита и даже пляж в Клоога-Ранд стали сценическими площадками. Под открытым небом играли и играют все драматические театры Таллина и театр кукол; время от времени спектакли на воздухе дают и театры из других городов республик.

Это не продолжение того, что те же театры делают во время обычного сезона. Мы видим иные спектакли, специально рассчитанные на игру под открытым небом, в окружении естественной декорации, перед другим — не таким чопорно-торжественным, как обычно — зрителем. Меняется и манера игры: здесь больше комического преувеличения, озорства.

Эти спектакли — словно воспоминание о юности европейского театрального искусства, о той поре, когда театр, отделившись от громоздких религиозных представлений, вышел на рыночную площадь и весело, дерзко стал высмеивать то, что давно уже заслуживало осмеяния, но оставалось пока под защитой освященного веками авторитета.

В чистом виде мы видели такой театр год назад, во время Дней Венеции в Таллине. Театро алла Джустиция из Венеции сыграл старинную итальянскую комедию масок «Лже-Магнифика». Одно из представлений

давалось на Ратушной площади. Ренессансный театр улиц и площадей оказался удивительно близок современному восприятию. Наверно, оттого, что все мы в той или иной мере стремимся к раскованности, к естественной простоте и непосредственности поведения, но лишь незначительно приближаемся к такому типу существования. Театро алла Джустиция обладал именно такой раскованностью. Не говоря уже об истинно итальянском темпераменте актеров, об их умении одновременно изнутри и со стороны воспринимать происходящее на сцене.

Разумеется, невозможно сохранить юность навсегда. Но вспоминать о ней время от времени необходимо. В конце концов, о возрождении театра улиц и площадей мечтали многие великие режиссеры XX века, включая Мейерхольда и Вахтангова. (Правда, не обязательно связывая свои мечты с представлениями под открытым небом).

Как бы то ни было, театр под открытым небом — это другой театр. Со своим репертуаром (как правило, классика, «костюмная» пьеса. Единственное исключение — «Мне 13 лет» Мерле Карусоо, спектакль, который долгое время игрался актерами Молодежного театра на пляже в Клоога-Ранд). Правда, демократичностью своей театр под открытым небом допускает перенос со сцены-коробки театрального здания фрагментов обычного спектакля — если эти фрагменты обладают гротескным, пародийным характером. Но это — в виде иск-